

Николай Левченко

ЕХИДНЫЙ ДЕЛЬФИН

**фрагмент рассказа «Ехидный дельфин»
из книги «Напутствие дилетантам»**

Чтение книг – занятие удивительное и опасное, которое кажется ещё более удивительным и опасным оттого, что этот праздник в нашей жизни случается всё реже и реже. Чаще течение фильма беззаботно несёт нас по виражам своего сюжета, не давая подумать ни о чём. Ещё безжалостней ползание по лабиринтам интернета, где действительно много интересного, но не успеешь проглотить это интересное, как он тебе подсовывает что-то ещё и ещё. Под сводами Всемирной паутины, куда вы пришли вроде как в большой музей, библиотеку или картинную галерею, быстро начинаете понимать, что вас надули; это совсем не музей, а торговый центр, где ждут только одного – вашего желания не уходить отсюда и что-то купить. Как евангельские торговцы в храме, вас хватают за рукава какие-то подозрительные господа с лицами известных спортсменов или актёров или, хуже того, едва одетые тётки. Всей этой липкой Паутине вы вовсе не интересны как собеседник – ей интересны ваши время и денежки.

Но книга может быть ещё более коварной. Она может сделать вид, что вы ей интересны как собеседник или просто как человек, способный молча чему-то посочувствовать, что-то узнать и понять. И вот уже вы легкомысленно растворены в этой беседе и, мало того, дочитав книгу и вернувшись в свои обыденные дела, продолжаете начатый с ней разговор, как будто сами невольно вздумали писать то ли продолжение, то ли свою собственную версию прочитанного. Со старыми авторами проще – они писали так легко и красиво, что поддержать эту беседу со своей скудной современной лексикой и торопливыми короткими мыслишками как-то не

очень и хочется. Современные авторы, кажется, это давно поняли. Чем они современной, тем они больше притворяются то какими-то косноязычными, то запутанными, то с провалами логики или здравого смысла. Читаете вы это всё, чертыхаетесь, а отрываться как-то и не получается – хочется вставить своё читательское суждение.

Прошедшим летом, предаваясь отпускному безделью, я коротал время за чтением одной коварной книжечки. Имя автора у многих на слуху, а у кого не на слуху, так оно и лучше, потому что я до сих пор от этого автора отделаться не могу – то полемизирую, то порой соглашаюсь. И то и другое неизвестно зачем.

Так вот, этот чудик утверждает, что мы все произошли от дельфинов. И так как внешнее несходство очевидно, автор подтверждает свою шальную гипотезу сходством нашего головного мозга с мозгом этих китообразных. По мозгам он не специалист, я – тоже, так что тут спорить не о чем. Далее осмелевший автор предполагает, что сознание, разум могли возникнуть как следствие раздвоения работы мозга дельфина. Действительно, его полушария мозга обязаны были работать поочередно – одно днём, во время коллективных охот и прочей общественной жизни, другое должно было не спать ночью, просто чтобы не дать утонуть владельцу. Обитатели суши, очевидно, в этой раздвоенности не нуждались и спали себе спокойно вместе со своими обоими полушариями.

Никто не знает, как возник человеческий разум и, возможно, не узнает никогда. Гипотез – множество, и одна из правдоподобных объясняет наше сознание тем, что оно именно со-знание – сотрудничество каких-то двух разных половин нашего ума. Из этого плодотворного сосуществования и строится человеческая психика. Выходит так, что одна часть нашего «Я» занята текущими дневными проблемами – работой для пропитания, семейным бытом и общением с другими представителями своей стаи. Этим мы мало отличаемся от прочих млекопитающих и земноводных. Но в нашей телесной оболочке гнездится ещё и другой человек, который, оказывается,

миллионы лет тому назад возник в расщеплённом мозгу нашего китообразного предка.

Этот человек зародился совсем в другой системе координат – среди бескрайнего ночного океана под бескрайним звёздным небом. В окружении этих двух величественных миров делать ему особенно было нечего – только дышать, глядеть в небо, спокойно вспоминать и обдумывать события прошедших дней, свои поступки, поступки других. Вся эта дневная суэта вновь и вновь мелькала своими пёстрыми мелкими деталями и как-то невольно сопоставлялась с окружающими масштабами ночного неба и океана. Созерцание самого себя в этой космической системе координат рождало ощущение собственного ничтожества. Это было тягостно, но тягостно уже как-то по-человечески. Возможно, вслед за этим появлялась другая спасительная мысль: уж коли я способен сопоставить себя с окружающим Космосом, то, значит, я сам пусть малая и ничтожная, но всё же часть этого Космоса, а не просто пожиратель скумбрии и трески, как все остальные акулы, тунцы и скаты.

Мне уже давно за шестьдесят, и когда я смотрю по утрам в зеркало, теория Дарвина мне кажется более правдоподобной, чем мифическое собственное происхождение от дельфинов. Но согласитесь – второе выглядит более красиво.